

Elena V. Dziuba

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Svetlana A. Eremina

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Mimeticonym as a Result of Secondary Self-Naming

Voprosy onomastiki, 2021, Vol. 18, Issue 2, pp. 139–155

DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.2.023

Language of the article: Russian

Дзюба Елена Вячеславовна

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Еремина Светлана Александровна

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Миметиконим как факт вторичной самономинации

Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 2. С. 139–155

DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.2.023

Язык статьи: русский

Downloaded from: <http://onomastics.ru>

named after the first President
of Russia B.N.Yeltsin

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

DOI 10.15826/vopr_onom.2021.18.2.023
УДК 81'373.231 + 81'373.232 + 374.7 + 378.115.15

Е. В. Дзюба
С. А. Еремина
Уральский государственный
педагогический университет
Екатеринбург, Россия

МИМЕТИКОНИМ КАК ФАКТ ВТОРИЧНОЙ САМОНОМИНАЦИИ*

В статье рассматривается особый вид вторичной самономинации, распространенный в вузах Китая и представляющий собой один из способов вхождения в инокультурную среду. Исследуется характер вторичного имени собственного, выбранного для осуществления успешной межкультурной коммуникации, отмечается закономерность выбора имени: «русского» — при изучении русского языка, «европейского» — при освоении иных языков (английского, немецкого, французского и т. д.). Вводится термин, называющий один из видов антропонимов, — *миметиконим*, под которым понимается вторичное имя собственное (оним), подбираемое с целью приобщения к «чужой» культуре. Описывается двухуровневый эксперимент, позволяющий выявить причины (мотивационные признаки) вторичной самономинации, среди которых отмечаются собственно языковые, ситуативно-коммуникативные и социокультурные признаки. К собственно языковым мотивационным признакам, актуальным для миметикона первой ступени (т. е. характерным для освоения первого иностранного языка, в данном случае русского), отнесены фонетические (обусловленные фонетической близостью родного и «русского» имен, привлекательностью фонетического образа, краткостью произнесения) и семантические, определяемые семантической близостью этимонов китайского и русского имен. Ситуативно-коммуникативные признаки позволяют выявить влияние речевого окружения обучающегося на процесс

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 19-013-00895 А «Учимся понимать Россию: когнитивные стратегии формирования методического материала по РКИ»).

© Дзюба Е. В., Еремина С. А., 2021

выбора вторичного имени (как правило, это условия учебного дискурса); социокультурные признаки проявляют уровень владения знаниями о культуре страны изучаемого языка у иностранных студентов. Подчеркивается однотипность моделей развития вторичной самономинации, распространяющихся на область освоения последующих иностранных языков (миметиконимы второй ступени). На основании данных проведенного опроса китайских студентов, изучающих русский и другие иностранные языки, устанавливается специфика семантической структуры вторичного имени на уровне сигнификата, денотата, коннотата. Подчеркивается значение вторичной самономинации (выбора миметиконима) для адаптации к иной культуре и снятия некоторой психологической напряженности в процессе межкультурной коммуникации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: вторичная самономинация, антропоним, миметиконим, иностранные студенты, китайские студенты, иностранный язык, русский язык как иностранный, межкультурная коммуникация.

Антропоним, или, по определению Н. В. Подольской, «любое собственное имя, которое может иметь человек (или группа людей), в том числе личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, криптоним, кличка, андроним, гинеконим, патроним» [Подольская, 1978, 30–31], имеет целью обозначить конкретного человека. Каждый из перечисленных видов антропонимов раскрывает свою семантическую наполненность в рамках определенного социума и культурного окружения. Антропонимы по своему происхождению можно разделить на первичные, данные при рождении (имя, отчество, фамилия), и вторичные, приобретенные или самостоятельно выбранные в процессе коммуникации (прозвище, псевдоним, криптоним, никнейм и под.).

Одним из вариантов вторичной самономинации является целенаправленный выбор нового имени, адаптированного к условиям чужой культуры. Феномен, который существует сегодня во многих вузах Китая, позволяет еще раз задуматься о природе антропонимов. Китайские студенты, начиная изучать иностранный язык, приобретают (выбирают самостоятельно или принимают предложенное преподавателем) иностранное имя. Осваивая русский язык, студенты китайских вузов выбирают имя русское; приобщаясь к иным языкам (английскому, французскому, немецкому и т. д.) — имя западноевропейское. Причинами вторичной самономинации, как объясняют преподаватели иностранного языка и студенты, осваивающие европейские языки, является трудность восприятия и произношения китайского личного имени русскими коллегами и опасение искажений фонетического облика имени собственного, которые ведут к серьезным семантическим изменениям. Выбор второго имени связан также с желанием приобщиться к иной культуре, оптимизировать межкультурные различия, которые создают барьеры (в том числе психологические) при изучении иностранного языка.

Следует подчеркнуть, что изменение имени на разных этапах жизненного пути — явление не исключительное для носителей китайской культуры, поскольку

в Китае существовала традиция изменения имени, например в связи с достижением определенного возраста или смены занятия, ср.: «... при рождении ребенок получал официальное имя 名 (*míng*) — *мин* и молочное, или детское, имя 小名 (*xiǎomíng*) — *сяоин*; школьнику присваивали ученическое имя 学名 (*xuéming*) — *сюэмин*, или 训名 (*xùnmíng*) — *сюньмин*; <...> при достижении совершеннолетия родители нарекали юношу или девушку вторым именем; <...> при успешной сдаче экзаменов человек получал “большое” имя 大名 (*dàming*) — *дамин*, или официальное имя 官名 (*guānmíng*) — *гуаньмин*, которое сохранялось на протяжении жизни и использовалось в официальных случаях после фамилии» [Рукавишникова и др., 2019, 193].

Факт подобной вторичной самономинации был отмечен рядом исследователей [Гранкина, 2017; Казкенова, 2018; Супрун, 2017; Формановская, 2013; и др.]. Так, Н. И. Формановская утверждает: «Китайские русисты, начинающие изучение русского языка, берут себе русские имена (в учебных целях), как бы приобщаясь к культуре русских» [Формановская, 2013, 64]. А. Казкенова характеризует сложившуюся практику изменения имени у китайцев, изучающих европейские языки, как позволяющую носителю нового имени «стать “своим среди чужих” и избежать невольных искажений, ненужных ассоциаций, трудностей с запоминанием, излишнего внимания к носителю редкого имени и т. д.» [Казкенова, 2018, 213]. Однако такому вторичному имени до сих пор не присвоено терминологическое обозначение, не выявлено его место в ряду иных видов антропонимов, не охарактеризована структура его значения.

Для нового имени, которое используется студентами, изучающими иностранный язык, с целью приобщения к «чужой» культуре, предлагается термин *миметиконим* (от греч. *mimetikos* ‘подражательный, способный к подражанию’ + *опота* ‘имя’), под которым понимается единица вторичной самономинации, приобретенная (предложенная или самостоятельно выбранная) человеком с целью адаптации к инокультурной среде. Термин *миметиконим*, таким образом, адекватно передает семантику подражания (в данном случае — с целью приобщения к чужому, инокультурному).

Миметиконимы относятся к явлениям вторичной, или, как отмечает Н. В. Подольская, непервичной номинации [см.: Подольская, 1988, 89]. Среди вторичных антропонимов выделяются агионимы (имена святых: *Илья Пророк*, *Николай Угодник*, *Матрона Московская* и под.), андронимы (именования жены по имени, прозвищу или фамилии мужа: *Семениха* — от *Семен*, *Петрова* — от *Петр*), гинеконимы (именования мужчины по имени или прозвищу матери или жены, которое может стать фамилией: *Анин* — от *Анна*, *Марьюшкин* — от *Марьюшка*), патронимы (именования, образованные от имени или прозвища отца или предков по отцовской линии: *Иван* — *Иванов сын*), прозвища (дополнительные неофициальные имена, данные окружающими в соответствии с характерными чертами человека, сопутствующими его жизни обстоятельствами, по какой-либо аналогии, по происхождению и другим мотивам: *Елена Рыжая*,

Стукач — при фамилии *Стукачев*), псевдонимы (вымышленные имена, существующие в общественной жизни человека наряду с настоящими именами или вместо них: *Максим Горький*). У каждого вторичного антропонима имеется мотивационный признак, обусловленный целью номинации и социокультурной сферой. Так, агионим имеет цель сакрализации имени святого, разграничение религиозного и мирского имени (*Варвара* — *Великомученица Варвара*, *Николай* — *Николай Чудотворец*), прозвища определяют статус человека в рамках субкультурного круга и имеют целью указание на характерную черту субъекта номинации, и т. д. Миметиконим, в свою очередь, появляется в учебном дискурсе, цель его создания — приобщение носителя имени к иноязычной культуре и дифференциация субъектов в рамках отдельной социальной (чаще — учебной) группы.

Следующим этапом изучения миметиконима является рассмотрение структуры его значения, а также способов и мотивационных признаков вторичной самонинации. Важным для данной работы является проблема соотношения сигнификата — денотата — коннотата в семантике нового («чужого») имени. М. Э. Рут отмечает: «Антропоним может быть двуликим: он существует сам по себе и как личное имя человека. Антропоним сам по себе не имеет реального значения — личное имя обладает отсоциумным денотатом и отсоциумным коннотатом» [Рут, 2001, 63]. В цитируемой работе подчеркивается, что у имени собственного «очевидно отсутствие ярко выраженного сигнификата. Его существование на уровне семьи ‘человек’ может оцениваться аналогично категориальной семье апеллятива. Другими словами, сигнификат антропонима лишь относит его к определенному разряду *онама*, не более того. В русском языке формальные показатели добавляют к семье ‘человек’ сему отнесения к определенному полу, но и это не абсолютно, ср. имена *Валя*, *Женя* и т. п.» [Там же]. Очевидно, что у миметиконима сигнификативное значение ничем не отличается от общепонятийного значения обычного антропонима. Именно это позволяет иностранцу свободно менять русское имя: на первом году обучения было имя *Порфирий*, на втором — *Евгений* (меняется форма, но сигнификативные семы ‘человек’ и ‘пол’ сохраняются).

Денотат имени «максимально нагружен — имя имеет смысл, если оно соотносено с реальным человеком <...> Знать значение имени — значит знать названного этим именем человека. Антропоним функционирующий всегда соотносено с конкретно-чувственным представлением о его носителе» [Рут, 2001, 61]. «Имя — это адрес доступа к объему информации об индивидуальном объекте», — подчеркивает Н. В. Васильева [2017, 213]. Новые русские имена у китайцев в рамках микросоциума (учебной группы) не повторяются: каждое имя строго соотносено с конкретным человеком; возникшее по тем или иным причинам отступление от этого правила влечет за собой смену вторичного имени. Например, студентка из Китая Сунь Юаньси, обучаясь в группе одного из уральских вузов на уровне бакалавриата, являлась носителем русского имени *Лера*, но сменила его на имя *Лена*, продолжая обучение в магистратуре московского вуза.

Социокультурные факторы имянаречения весьма значимы. М. В. Голомидова отмечает: «Будучи символом человеческой уникальности, имя одновременно несет в себе глубокий социальный смысл, поскольку вводит своего носителя в культурное пространство и социальный континуум, включает в многочисленные связи и отношения — правовые, религиозные, нравственные и прочие — и таким образом служит языковым инструментом социального приобщения. Уже сам акт наречения, или наделения именем, расценивается как акт принятия обществом в свои пределы нового члена» [Голомидова, 2009, 59]. При этом, как подчеркивает исследовательница, в антропонимах на уровне фонетического облика, деривационных возможностей, внутренней формы слова, социокультурного контекста отражается принадлежность роду и социальному слою (титульная принадлежность), сфере деятельности и даже возрасту [Там же].

Для денотативного значения миметиконима значимы семы 'идентификация в макросоциуме' (этнос) и 'принадлежность микросоциуму' (в нашем случае — учебной группе, в которой осваивается конкретный иностранный язык). Так, китайские студенты на уроках русского языка используют русские имена (*Алексей, Ксюша, Маша, Витя, Света, Соня* и под.), те же студенты на уроках английского языка принимают иные, актуальные для учебно-коммуникативной ситуации, имена (*Alex, Mary, An, Harry, Tina, June* и др.).

Коннотативная составляющая семантики миметиконима в сравнении с сигнификатом и денотатом более нагружена. Исследователи отмечают особый статус коннотата в структуре значения имени собственного. Он наиболее полно проявляется в коммуникации. О. Есперсен указывает, что в речи собственные имена коннотируют большее количество признаков, чем нарицательные [Есперсен, 1958, 71–72]. Е. С. Отин отмечает особый разряд коннотонимов — единиц, развивающих семантику в новом речевом окружении [Отин, 1980]. Е. Курилович указывает на возможность проявления коннотативного значения у нового имени собственного в связи с реализацией культурно-исторической составляющей и его эмоционально-оценочной функции [см. подробнее: Курилович, 1962, 237–266]. У миметиконима в первую очередь важны «адаптивная» и эмоционально-оценочная функции, иные менее актуальны: на ранних этапах освоения языка, когда новое имя только присваивается, социально маркированные единицы (*Петя, Петька, Петр Иванович, Петрович*), стилистические (*Маша: Мария, Машуля, Машенька, Марусенька* и под.) и региональные (*Алёна, Олёна; Алеся, Олеся*) варианты иностранцами, как правило, не различаются.

Еще один важный для данного исследования аспект касается китайской традиции имянаречения: выбор личного имени для носителя китайской культуры — процесс творческий, почти ничем, кроме фантазии дарующего имя, не ограниченный. Исследователи подчеркивает высокую степень произвольности в выборе китайского имени собственного: «Родители сами придумывают имена своим детям и моделируют самые разные сочетания слов. На выбор имени могут

повлиять народные и семейные традиции, приметы, суеверия и др. <...> Любое слово или словосочетание может быть выбрано в качестве индивидуального имени. По традиции имена должны быть благозвучны, иметь красивое значение и указывать на что-нибудь хорошее. Этимология большинства индивидуальных имен связана с пожеланием благ или с художественным образом» [Рукавишников и др., 2019, 191; см. также: Семенова, Васильева, 2018], ср., например: 何秀荣 (*He Xiurong*) Хэ Сюжун 'Цветущая орхидея', 王淑珍 (*Wan Shuzhen*) Ван Шу-чжэнь 'Жемчужина', 邢燕子 (*Xing Yanzi*) Син Яньцзы 'Ласточка', 李霞 (*Li Xia*) Ли Ся 'Заря' и др. Эта традиция влияет и на выбор нового (вторичного) имени, актуального для межкультурной коммуникации.

Поскольку миметиконим проявляет свою специфику через ряд коннотативных значений, необходимо выявить «техники» создания вторичного имени. Это позволяет сделать методика интервьюирования китайцев — носителей «русского» имени. На основании прямого (анкетного) опроса мы постарались определить мотивировочные признаки, лежащие в основе искусственного выбора русскоязычного имени собственного у иностранцев. Для данной цели была разработана анкета, предлагающая студентам, изучающим русский язык в Цзилиньском университете международных исследований (КНР, Чаньчунь) и Уральском государственном педагогическом университете (Россия, Екатеринбург), заполнить соответствующие графы и ответить на ряд вопросов. Их ответы помогут выявить основания для выбора вторичного имени (см. рисунок ниже). Всего было опрошено 162 китайских студента и преподавателя.

Важным для исследования является вопрос о причинах предпочтения одного русского имени другому. Полученные в ходе опроса ответы были разделены на три группы в соответствии с мотивационными признаками, лежащими в основе выбора имени; были выделены собственно языковые, ситуативно-коммуникативные и социокультурные мотивационные признаки.

К языковым мотивационным признакам вторичной самономинии следует отнести фонетические и семантические (языковые миметиконимы). Так, 42 студента (25,92 %) обращают внимание на фонетический облик слова. Из них 14 респондентов (8,64 %), не проводя параллелей с произношением собственного имени, отмечают привлекательность фонетического образа русского имени, ср. варианты ответов: «я люблю произношение этого слова»; «это имя хорошо слушать»; «мне нравится, слушать хорошо»; «слушать приятно»; «это имя мелодичное»; «имя звучит прекрасно»; «имя звучит очень элегантно» и др. Таким благозвучием, по мнению китайских студентов, обладают имена *Агата*, *Алиса*, *Белла*, *Галина* и *Галя*, *Елена*, *София* и *Соня*, *Лариса* и *Лара*, *Яна*.

13 студентов (8,02 %) отметили фонетическую близость русского имени китайскому — по сходству звучания некоторых слогов или отдельных (чаще начальных) звуков, ср: рус. *Диана* — кит. *Хэ Вэйди*, рус. *Женя* — кит. *Цзэн Жуньян*, рус. *Лидия / Лида* — кит. *Ли*, рус. *Лина* — кит. *Чжао Линь*, рус. *Люба* — кит. *Лю*,

рус. *Ульяна* — кит. *У Цзини* (комментарий: «моя фамилия У и русское имя Уля») и т. д.

Уважаемые студенты!
Заполните, пожалуйста, анкету.

№	Вопрос	Ответ (на русском языке)
1	Ваше китайское имя (русскими буквами) 您的中文名字 (用俄文字母书写)	
2	Что означает Ваше имя в переводе с китайского языка? 您的名字在汉语中表示什么意思?	
3	Кто из родителей дал вам китайское имя? 父母中谁给您取的这个中文名字?	
4	Почему ваши родители выбрали это имя? (потому что так называли родственников или известных людей, или это имя отражает вашу внешность и т. п.) 您的父母为什么选择了这个名字? (因为这是亲属或名人的名字, 或者这个名字反映了您的外貌特征等)	
5	Вам нравится или не нравится ваше имя? Почему? 您喜不喜欢您的名字? 为什么?	
6	Какое Ваше русское имя? 您的俄文名字?	
7	Вы сами выбирали себе русское имя? 您是自己选择的俄文名字吗?	
8	Почему Вы выбрали это русское имя? 您为什么选择了这个俄文名字?	
9	Почему Вы согласились взять это русское имя? 您为什么同意取这个俄文名字?	
10	Вы отзываетесь на другие варианты Вашего русского имени? (например: <i>Машиа</i> – <i>Мария</i> , <i>Машенька</i> ...) 您知道您俄文名字的其他称呼方式吗? (例如: 玛莎——玛丽娅、玛申卡...)	
11	Какие другие русские имена Вам нравятся? Почему? 您喜欢哪些其他的俄文名字? 为什么?	

Благодарим Вас за участие!

Образец анкеты для интервьюирования студентов

15 студентов (9,25 %) указывают на простоту и краткость произношения, а также написания и запоминания слова, ср.: рус. *Люда* — кит. *Лю инюй* (комментарий: «просто»), рус. *Алла* — кит. *Сунь Тин* (комментарий: «потому что это имя пишется легко»), рус. *Зоя* — кит. *Бай Лу* (комментарий: «потому что это имя очень короткое»). Краткость произношения и написания русского имени для носителей китайского языка, моносиллабического по специфике строения слова, становится очень важным фактором. Респонденты отмечают этот признак в виде таких комментариев: «это русское имя короткое»; «просто»; «легко, просто запомнить»; «просто написать»; «очень краткое»; «имя короткое»; «легко писать». Краткостью произношения привлекли иностранцев имена *Алла*, *Анна* / *Аня*, *Антон*, *Зоя*, *Иван*,

Катя, Машиа, Соня, Юлия, Яков. Стремление к краткости обуславливает предпочтительный выбор китайскими студентами именно сокращенной (разговорной), а не полной формы. В. И. Супрун отмечает: «Выбранное студентом имя не всегда имеет официальную форму. *Саша* предпочитается *Александру, Рита — Маргарите*. Гипокористики часто не воспринимаются китайскими студентами как варианты официального имени, что становится лингводидактической проблемой обучения иностранцев» [Супрун, 2017, 164].

Выбор вторичного имени также может быть обусловлен близостью внутренней формы русского и китайского имен (семантический признак выявлен по 44 анкетам — 27,16 %). Так, *Лян Чжао* выбирает имя *Евгений* на основании общности семы 'отважный'; та же модель определяет следующие соответствия: *Лю Син Мин* и *Елена* — общая сема 'светлая'; *У Шан* и *Михаил* — общая сема, по данным анкеты, 'державный владыка'; *Лю Синьмэй* и *Роза* — общая сема 'цветок'; *Ван Синьюе* и *Света* — общая сема 'свет (лунный)', ср. комментарий: «*Ван* — это фамилия. *Синь* значит 'Деньги', а *юе* — это 'луна'. *Света* — это значит 'свет, веселый'. Потому что мое китайское имя *юе* тоже значит 'свет', мне очень нравится». 27 респондентов (16,66 %) продемонстрировали знание внутренней формы своего и русского имен и выбрали имя с положительной семантикой, ср.: рус. *Витя* — кит. *Сонь фэн* (комментарий: «Мое имя значит 'ветер'. Я его выбрал, потому что это имя значит 'победа', и я хочу стать победителем»); рус. *Петр* — кит. *Ян Довэй* (комментарий: «*Петр* — это значит 'камень'. Хотел бы я быть таким же неразрушимым, как камень»). В 17 анкетах (10,49 %) респонденты указывают на неясную семантику. Иногда студенты утверждают, что на выбор имени повлияло значение слова, но трактуют его неверно, ср.: кит. *У Шан* — рус. *Михаил* (комментарий: «*У Шан* — 'Державный Владыка'. *Михаил* — это имя похоже на мое китайское, тоже 'державный владыка'»); кит. *Чжан Мэн* — рус. *Таня* (комментарий: «*Чжан Мэн* — 'мечта'. Потому что *Татьяна* символизирует смелость»).

Семантика русского имени нередко сопрягается в сознании носителя китайского языка с положительной коннотацией внутренней формы слова, ср. некоторые ответы: «*Аврора* — это красивое имя, значит 'заря'»; «*Агата* — я люблю произношение этого слова, и еще это имя является драгоценным камнем»; «*Алексей* — это значит 'защищать', мне нравится защищать»; «Я люблю имя *Вера*, вера очень важна в моей жизни»; «Мне нравится значение слова *вера*, это важно для людей»; «*Витя / Виктор* — это имя символизирует победу»; «*Вика / Виктория* — это красивое имя, это 'победительница'»; «*Зоя* означает 'жизнь'»; «*Ира* — красивое имя, оно значит 'мир'»; «*Ирина* — это русское имя, оно обозначает 'мир и спокойствие'»; «Мое имя *Лена*, оно означает 'солнце', и одна из российских рек — *Лена*»; «Я выбрала имя *Лилия*, потому что мне нравятся эти цветы»; «Мое имя *Люба, Любовь*, я думаю, что любовь — это хорошо»; «*Максим* выражает максимальный смысл»; «*Максим* — это значит 'великий человек'»; «Имя *Надя* — хорошее, потому что надежда на хорошее нужна людям»; «*Надя* — это хорошо,

дает надежду на хорошую жизнь»; «*Петр* — твердый, это значит ‘камень’»; «*Роза* — красивое имя, потому что роза — это красота»; «*Саша / Александр* — это хорошо, он защитник, я хочу быть защитником»; «*Света / Светлана* — светлое имя, оно значит ‘солнечный’»; «*Света* — это хорошее имя, оно представляет свет».

Выбор имени может быть обусловлен имеющимися у студентов знаниями в области русской культуры и истории (культурно обусловленные миметиконимы). Таких единиц 16 (9,88 %). *Катя / Екатерина* выбирается по имени императрицы Екатерины (ср.: «*Екатерина* — хорошее имя, императрица Екатерина основала Екатеринбург»); *Иван* привлекает своей величественностью (ср.: «*Иван* значит ‘Бог’, и еще это русский царь Иван Грозный); *Петр* соотносится с личностью Петра Первого; *Миша / Михаил* у одного из студентов ассоциируется одновременно и с милым русским медведем, и с российским политиком Дмитрием Медведевым. Некоторые студенты, приписывая «русскость» нерусским по происхождению именам, выбирают весьма неожиданные варианты и вполне осмысленно делают отсылку к древнегреческой или иной мифологии и христианской традиции, ср.: «Я Диана, это богиня»; «Меня зовут Одиссей, я люблю этого эллинского героя и эллинскую литературу»; «Меня зовут Фея, это красавица, богиня».

Самую незначительную группу имен — пять единиц (3,09%) — представляют антропонимы, выбранные иностранцами под влиянием коммуникативной ситуации (ситуативно-коммуникативные миметиконимы). Некоторые студенты указали, что на выбор имени повлияло знакомство с учителем русского языка, т. е. у них есть эмоциональная связь с конкретным человеком, вызывающим симпатию (ср.: «Мое имя — *Людмила*, мне нравится это имя, потому что это имя преподавателя, который мне нравится»); ряд обучающихся подчеркивает частотность употребления имени в учебниках русского языка как иностранного (ср.: «Мое имя *Антон*, оно есть в нашем учебнике»; «Меня зовут *Анна*, это имя есть в учебнике»); распространенность имени среди пользователей сети Интернет (ср.: «*Анастасия / Ася / Настя*, большое количество пользователей в интернете имеют такое имя»); наличие второго имени, обусловленное изучением другого языка — английского, немецкого, французского (ср.: «Мое имя *Белла*, это имя звучит прекрасно, и мое английское имя — *Bella*»).

Немотивированная положительная коннотация у выбранного имени отмечается 43 студентами (26,54 %). Указывается лишь признак эмоционального отношения к имени, ср.: «это имя красивое» — 14 анкет (8,64 %); «это имя мне нравится» — 10 анкет (6,17 %); «я люблю это имя» — 8 анкет (4,93 %); «это симпатичное имя» — 4 анкеты (2,46 %); «интересное имя» — 3 анкеты (1,85 %); «это приятное имя» — 1 анкета (0,61 %); «это милое имя» — 1 анкета (0,61 %); «мне идет это имя» — 1 анкета (0,61 %); «это имя отвечает моему характеру» — 1 анкета (0,61 %). Необъяснимой привлекательностью для китайских студентов, по данным анкетирования, обладают имена: *Алеша, Алина, Анастасия, Антон*,

Анфиса, Арина, Денис, Екатерина, Игорь, Ирина, Катя, Костя, Люба, Миша, Ольга, Петя, Раиса, Рита, Саша, Сусанна, Юлия, Юра, Яна, Ярослав и др.

Отдельную группу составляют имена, выбор которых отчетливо не мотивирован (12 ответов — 7,41 %). В таких анкетах указывается безразличное отношение к новому русскому имени, ср. варианты ответов: «Другие дали мне это имя, у меня нет другого выбора» (кит. *Чжан Лин Ли* — рус. *Вера*); «Сестра дала имя, это было не мое решение» (кит. *Сунь цзе Янь* — рус. *Клара*); «Мне дал это имя преподаватель, потому что мне все равно» (кит. *Чжоу Линьси* — рус. *Анфиса*); «Преподаватель дала, не знаю, почему выбрала это имя» (кит. *Ци Инсюан* — рус. *Алла*).

В целом ответы на анкетные вопросы свидетельствуют о том, что студенты, как правило, осуществляют выбор «русского» имени вполне осмысленно, при этом учитывается фонетическая близость китайскому имени, благозвучие (привлекательность фонетического образа русского слова), близость внутренней формы лексических единиц, ситуативно-коммуникативный и культурный контекст имени собственного. Осознанный выбор русского имени осуществлен 107 китайскими студентами (66,05 %); 43 человека (26,54 %) ощущают положительную коннотацию имени; незначительная часть респондентов — 12 человек (7,41 %) — не называет отчетливой причины выбора второго имени, такое самоназрение является случайным, неосознанным.

Верифицировать полученные результаты, отражающие сознательность выбора студентами вторичного имени, позволил дополнительный опрос студентов Цзилиньского университета международных исследований (Чанчунь, КНР), изучающих несколько языков. Обучающиеся выполнили следующие задания: 1) напишите ваше китайское имя русскими буквами; 2) напишите ваше русское имя, которое было выбрано в ходе изучения русского языка; 3) напишите ваше второе имя, которое было выбрано вами при изучении второго иностранного языка (английского, немецкого, французского, итальянского и т. п.). В опросе участвовало 106 человек.

Результаты анкетирования показали, что студенты, изучающие западноевропейские языки, предпочитают выбирать в качестве вторых иностранных именно западноевропейские имена. Таких студентов из опрошенных 52 (49,05 %), ср.: *Ян Ди (Маша)*¹ — *An*; *Юань Синьюань (Мира)* — *Hanna*; *Ши Хаою (Витя)* — *Harry*; *Ван Синюань (Соня)* — *June*; *Ма Цзяо (Рената)* — *Alice*; *Дун Яньнди (Наташа)* — *Ivy*; *Линь Тунишуй (Ксюша)* — *Mary*; *Чжао Синьюе (Света)* — *Tina*; *Тянь инин (Настя)* — *Dipsy*; *Ши Минсинь (Юлия)* — *Cherry*; *Цзинь ай ин (Люба)* — *Sunny*; *Лю шизянь (Лев)* — *Joseph*; *Ли Вэньцин (Вера)* — *Linda*; *Лю Ин (Люба)* — *Dianthe*; *Цзэн Жуньян (Женя)* — *Brenda*; *Лян Кунь (Люда)* — *Karron*; *Лян Жуй (Галина)* — *Ray*; *Чжао Линь (Лина)* — *Joy*; *Ци Инсюань (Алла)* — *Daley*; *Ван Юйин (Валя)* — *Vicky*; *Хэ Вэйди (Диана)* — *Andy*; *Цао Юйсюе (Елена)* — *Angel*; *Ван Синьюе*

¹Здесь и далее в скобках приводится выбранное студентом (студенткой) русское имя.

(Света) — *Caroline*; Цзинь Гуансинь (Петя) — *Parker*; У Шан (Михаил) — *Brian*; Сюэ Янь (Яна) — *Caitlin*; У Ди (Виктор) — *Jerry*; Сюй Цзяли (Ася) — *Carrie*; Лю Мохань (Ульяна) — *Hillian*; Ван Вэй (Катя) — *Karla*; Ян Мин цзюнь (Вика) — *Leah*; Чжэн Цзюньхуа (Алина) — *Jennifer*; У Цзини (Уля) — *Emily*; Юань Имин (Надя) — *Wanda*; Чжун Хуэй (Соня) — *Cathy*; Чэнь Йинь (Таня) — *Wioleta*; Чжао Маньюй (Галя) — *Ruby*; Линь Счуаюнь (Саша) — *Sarah*; Лян Ся (Вера) — *Ellis*; Вань Ченьчень (Алеша) — *Wells*; Чжао Цзинтон (Зоя) — *Teresa*; Ли Цзинюй (Фея) — *Joy*.

У 32 человек (30,19 % опрошенных) второе иностранное имя дублирует русское, различие определяется лишь графикой — кириллической и латинской, ср.: Сюй Чжицян (Алексей) — *Alex*; Ван Гуйюй (Алина) — *Alina*; Лю Ицзин (Раиса) — *Raisa*; Хао Пейжу (Ирина) — *Irina*; Сун Линьсюй (Иван) — *Ivan*; Лю Сымин (Елена) — *Elena*; Хань Ю (Ярослав) — *Yaroslav*; Чэн Минюэ (Лена) — *Helen*; Чжан Юань юань (Аня) — *Ania*; У Цзыюэ (Татьяна) — *Tatyana*; Ван Байхан (Иван) — *Ivan*; Чжао Цзехуэй (Екатерина) — *Catherine*; Цюань Чжыхун (Олег) — *Oleg*; Чжан Юй (Диана) — *Diana*; Чжан Ция Линь (Света) — *Sveta*; Ян Давэй (Петр) — *Peter*; Ли Ленцзы (Лилия) — *Lily*; Ван Хэ Чжэ (Надя) — *Nadia*; Чжоу Шуолей (Белла) — *Bella*; Цзян Яньсу (Максим) — *Maksim*; Чжо Юйшуан (Зоя) — *Zoya*; Ван Тинтин (Елена) — *Lena*; Ван Нань (Лена) — *Elena*; Ли Донгджу (Миша) — *Misha*; Лю Хань (Марина) — *Marina*.

Четыре человека (3,78 %) указали, что русский является для них вторым иностранным языком после английского. Показательно, что и эти студенты выбрали второе иностранное имя, эквивалентное первому: Чэн Минюэ (*Helen*)² — Лена; Му Фэнчань (*Susanna*) — Сусанна; Чжэн Кунь (Мах) — Максим; Ван Кайин (*Alice*) — Алиса.

Данное явление, вероятно, свидетельствует об экономии когнитивных усилий: студенты объясняют выбор эквивалентного имени тем, что первый язык, который они начали изучать, является определяющим в выборе имени при изучении последующих языков.

В 17 анкетах (16,04 %) второе (западноевропейское) имя не указано, так как эти студенты еще не начали изучать второй иностранный язык, в комментариях к выбору имени пишется «пока нет», «нет», ср.: Ван Шаохуа (Валя) — *пока нет*; Ма Фаньшу (Мария) — *пока нет*; Му Шиюй (Володя) — *нет*.

В ходе обработки результатов был зарегистрирован один случай (0,94 %) отказа от второго иностранного имени в пользу своего, китайского: Чжан Шань (*Natasha*) — 장산 (*jangsan*).

При выборе второго иностранного имени действуют те же языковые мотивационные признаки (фонетические и семантические, а также коммуникативно-ситуативные и социокультурные). Фонетическая близость

²Здесь и далее в скобках приводится выбранное студентом (студенткой) имя, свойственное лингвокультурной традиции страны «первого» изучаемого языка.

китайского, русского и западноевропейского имен оказывается наиболее существенной причиной выбора номинации. Из 88 человек, указавших оба иностранных имени, 23 (26,14 %) выбирают имя, в котором инициаль, слог, финаль или отдельные звуки напоминают китайское или уже выбранное русское имя. В основе выбора второго имени (русского или западного) лежит консонантная или слоговая ассоциация, хотя нет абсолютно коррелирующих рядов. Созвучие наблюдается в парах «китайское — русское имя», либо «китайское — западное имя», либо «русское — западное имя», ср.: *Вон Линан — Лилия — Lily; Лю Сымин — Елена — Elena; Чжан Юань юань — Анна — Ania; Ван Байхан — Иван — Ivan; Ян Ди — Маша — An; Ши Хаюю — Витя — Harry; Сюй Чжичан — Алексей — Alex; У Дань — Лариса — Lisa; Лю Шизянь — Лев — Joseph; Цзэн Жуньян — Женя — Brenda; Лян Кунь — Люда — Karron; Лян Жуй — Галина — Ray; Ван Юйин — Валя — Vicky; Хэ Вэйди — Дуана — Andy; Ши Ясинь — Яна — Renata; Цзинь Гуансинь — Петя — Parker; Сюэ Янь — Яна — Caitlin; Лю Сюесинь — Вера — Willa; Лю Мэйюй — Люба — Lucy; Линь Счуанью — Саша — Sarah; Чжао Линь — Лина — Joy.*

Предпочтение короткого (разговорно-обиходного) варианта происходит и в случае с выбором западноевропейского имени. Краткое имя выбирается для удобства произношения и легкости запоминания, ср.: *Ян Ди — An; Ши Хаюю — Harry; Ван Синьюань — June; Дун Яньди — Ivy; У Дань — Lisa; Чжао Синьюе — Ray; Тянь Инин — Dipsy; Хань Сяо — Lili; Ши Минсинь — Cherry; Цзинь Ай ин — Sunny; Чжао Линь — Joy; Ван Юйин — Vicky; Хэ Вэйди — Andy; Ли Цзытун — Lily; У Ди — Jerry; Сюй Цзяли — Carrie; Чжун Хуэй — Cathy; Лю Мэйюй — Lucy; Чжао Маньюй — Ruby; Ли Цзинюй — Joy.*

В шести анкетах (6,82 %) отмечено семантическое основание выбора имени: оно выбирается по ассоциации с понятием, лежащим в основе создания имени китайского, ср.: *Чжао Синьюе — Ray* (комментарий: «Имя *Синьюе* обозначает ‘Новолуние’, а имя *Ray* имеет значение ‘луч’»); *Лю Синьмэй — Lily* (комментарий: «*Мэй* — это ‘цветок’, и лилия — цветок»). Выбор имени может быть обусловлен внутренней положительной оценкой; значение нарицательного существительного, используемого в качестве имени собственного, вызывает у респондентов приятные эмоции, ср.: *Ши Минсинь — Cherry; Цзинь Ай ин — Sunny.*

Коммуникативно-ситуативный признак отмечен в двух случаях (2,27 %), когда студент выбирает имя любимого преподавателя, ср.: *Юань Синьюань* выбирает имя *Hanna* (комментарий: «это имя преподавателя английского языка»); *Ли Вэньцзин* именуется *Linda* (комментарий: «так зовут учителя иностранного языка»).

Выбор второго иностранного имени может определяться и социокультурными факторами (14 анкет — 15,9 %): имя ассоциируется с именами героев фильмов, мультфильмов или персонажами книг и учебников, ср.: *Ши Хаюю — Harry* (Гарри Поттер — герой книг и одноименной серии фильмов); *Линь Туншуйай — Mary* (самое популярное имя в учебниках иностранного языка); *Тянь Инин — Dipsy* (имя

героя популярного детского телесериала «Телепузики»); *Ли Цзюньтань* — *Jerry* (имя одного из героев популярного мультфильма «Том и Джерри»).

36 анкет (40,91 %) демонстрируют, что студенты, начиная изучать второй иностранный (западноевропейский или русский) язык, предпочитают использовать имя, эквивалентное первому выбранному имени, и только меняют графику (с латиницы на кириллицу или наоборот), ср: *Ван Нянь (Лена)* — *Elena*; *Лу Хань (Марина)* — *Marina*; *Су Цзытун (Белла)* — *Bella*; *Лю Ицзин (Раиса)* — *Raisa*; *Хань Ю (Ярослав)* — *Yaroslav*; *Чжэн Кунь (Мак)* — *Максим*.

В семи анкетах (7,96 %) студенты пишут второе, западноевропейское, имя, но соотношение коннотативных особенностей в данных случаях не просматривается, ср: *Лян Ся (Вера)* — *Ellis*; *У Шан (Михаил)* — *Brian*; *Чэнь Йинь (Таня)* — *Wioleta*; *Лю Синьмэй (Роза)* — *Bella*.

Данные наблюдения позволяют сделать вывод о единстве механизма вторичной самономинации: когда изучается русский язык — используется русское имя, на занятиях по второму иностранному (европейскому) языку — западноевропейское имя. Это явление подтверждает природу миметиконима, который направлен на подражание чужой культуре. Модели развития вторичной самономинации распространяются на область освоения последующих иностранных языков: при вторичной самономинации либо устанавливается фонетическое или семантическое соответствие имен в разных языках, либо подчеркивается влияние коммуникативно-ситуативных или социокультурных факторов. Количественные данные о результатах обработки анкет, собранных в ходе проведения двуступенчатого эксперимента, приведены в таблице.

Количественная обработка результатов опроса

Мотивационный признак вторичной самономинации	Первый этап исследования (% от общего числа) (162 анкеты)	Второй этап исследования (% от общего числа) (88 анкет)
Фонетический	25,92	26,14
Семантический	27,16	6,82
Ситуативно-коммуникативный	3,09	2,27
Социокультурный	9,88	15,90
Немотивированная положительная коннотация	26,54	—
Выбор «эквивалентного» имени, смена графики	—	40,91
Отказ от мотивации	7,41	7,96
Всего	100,00	100,00

Таким образом, миметиконим как вторичное имя собственное используется в учебном дискурсе с целью адаптации к чужой культуре. Он имеет следующую семантическую структуру: сигнификат актуализирован семами 'человек' и 'пол' (за исключением «двуродовых» имен); денотативное значение репрезентировано семами 'идентификация в макросоциуме' (этнос) и 'идентификация в микросоциуме' (учебная группа). Коннотативное значение вторичного имени представлено более объемно: выбор имени определяется собственно языковыми (фонетическими или семантическими), ситуативно-коммуникативными и социокультурными факторами. При выборе вторичного имени (и русского, и европейского) для китайских студентов оказываются важными фонетические основания (привлекательность фонетического образа, фонетическое сходство с родным именем, краткость произношения). Семантические признаки (близость внутренней формы китайского и иностранного имен, положительная коннотация нарицательного существительного — этимона имени собственного), по результатам опроса, оказались более значимыми при выборе русского имени. Одинаково важными примерно для 10 % респондентов каждого этапа эксперимента стали социокультурные признаки, отражающие знание иностранцами фактов истории и культуры страны изучаемого языка. Менее частотны при вторичной номинации в обоих случаях оказались признаки, обусловленные конкретными ситуативными факторами (заимствуется имя учителя или хорошего знакомого; приобретается имя, наиболее часто используемое в учебнике, и т. д.). Весьма значима для китайских студентов положительная эмоциональная коннотация имени: студенты часто отчетливо не осознают мотивацию имени, но дают ему эмоциональную оценку. Незначительная группа студентов (менее 10 %) безразлично относится к процессу вторичной самономинации. Нередко при выборе вторичного имени проявляется фактор экономии когнитивных усилий: студенты при изучении последующих языков ограничиваются использованием «эквивалентного» русско-европейского имени (*Елена — Helene, Elena; Алексей — Alex*).

Количественные данные подтверждают факт, что выбор миметиконима большей частью студентов осуществляется осознанно, это факт культурно значимый.

Исследование позволило подчеркнуть значение вторичной самономинации (посредством миметиконима) для инокультурной адаптации китайских студентов, для облегчения межкультурной коммуникации при одновременном сохранении национальной и индивидуальной идентичности. В дальнейшей дискуссии о миметикониме можно выделить и лингводидактический аспект. На занятиях по иностранному языку на начальном этапе необходимо обеспечить успешный выбор наиболее адекватного в каждом конкретном случае имени. Это может быть достигнуто посредством составления специальных словариков антропонимических соответствий, включения комментария об именах собственных на занятиях по иностранному языку, использования аутентичных (в том числе

адаптированных) художественных текстов, раскрывающих этноспецифичный культурный контекст имен собственных.

Источники

- Отин Е. С. Материалы к словарю собственных имен, употребляемых в переносном значении // Вопросы ономастики. Вып. 14 : Собственные имена в системе языка / отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1980. С. 3–13.
- Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1988.

Исследования

- Васильева Н. В. Когнитивная ономастика: взгляд из Европы. Рец. на кн.: Cognitive Onomastics: A Reader / ed. by S. Brendler. — Hamburg : Vaar, 2016. — 204 p. // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 3. С. 210–221. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.3.031
- Голомидова М. В. Личное имя как носитель социальной информации // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2009. № 7. С. 59–72.
- Гранкина М. А. Русские антропонимы как способ приобщения к русской культуре китайских студентов // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы / ред. З. К. Беданоква. Майкоп : Магарин О. Г., 2017. С. 157–160.
- Есперсен О. Философия грамматики / пер. с англ. В. В. Пассека, С. П. Сафроновой. М. : Изд-во иностр. лит., 1958.
- Казкенова А. Антропонимы за пределами монокультурной среды // Przegląd wschodnioeuropejski. 2018. № 9 (1). С. 209–217.
- Курилович Е. Положение имени собственного в языке // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М. : Изд-во иностр. лит., 1962. С. 251–266.
- Рукавишников С. М., Дунькович Ж. А., Юэ Суянь. Традиции имянаречения в Китае // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам / гл. ред. В. Г. Шадурский. Минск : Изд. центр БГУ, 2019. С. 189–193.
- Рут М. Э. Антропонимы: размышления о семантике // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 20. С. 59–64.
- Семенова Д. С., Васильева А. А. Актуальные тенденции в современном китайском имянаречении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6 (84). С. 390–394. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.43>
- Супрун В. И. Лингвокультурологические и лингводидактические аспекты русской ономастики // Ценности в лингвокультурном аспекте: языковое сознание, коммуникация, текст / гл. ред. В. И. Карасик. Тяньцзинь : Тяньцзин. ун-т иностр. языков, 2017. С. 164–171.
- Формановская Н. И. Общение как единство речевой деятельности и речевого поведения // Русский язык за рубежом. 2013. № 5. С. 64–69.

Рукопись поступила в редакцию 13.02.2021

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков

кит. китайский язык
рус. русский язык

* * *

Дзюба Елена Вячеславовна

доктор филологических наук, профессор
кафедры межкультурной коммуникации,
риторики и русского языка как иностранного
Уральский государственный педагогический
университет
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: ev_dziuba@uspu.me

Еремина Светлана Александровна

кандидат филологических наук, доцент
кафедры межкультурной коммуникации,
риторики и русского языка как иностранного
Уральский государственный педагогический
университет
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: swegle@yandex.ru

Dziuba, Elena Vyacheslavovna

DrHab, Professor
Department of Intercultural Communication,
Rhetoric and Russian as a Foreign Language
Ural State Pedagogical University
26, Kosmonavtov Ave., 620017 Ekaterinburg,
Russia
Email: ev_dziuba@uspu.me
<https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

Eremina, Svetlana Aleksandrovna

PhD, Associate Professor
Department of Intercultural Communication,
Rhetoric and Russian as a Foreign Language
Ural State Pedagogical University
26, Kosmonavtov Ave., 620017 Ekaterinburg,
Russia
Email: swegle@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1422-5740>

Elena V. Dziuba
Svetlana A. Eremina

Ural State Pedagogical University
Ekaterinburg, Russia

MIMETICONYM AS A RESULT OF SECONDARY SELF-NAMING

The paper examines a particular type of secondary self-naming that is commonly attested in China universities as a means to enter a foreign cultural environment. Given its purpose to facilitate intercultural communication, the authors note a clear pattern how this secondary proper name is chosen: a Russian name is used when studying the Russian language, and a European one — when mastering other languages (English, German, French, etc.). A term *mimeticonym* is introduced for such secondary proper name the person is choosing to familiarize themselves with a foreign culture. The paper describes a two-level experiment focusing on motivation behind this secondary self-naming practice, which includes linguistic, situational, communicative, and sociocultural factors. The authors distinguish between mimeticonyms of the 1st and 2nd stage — the former acquired when studying the first foreign language (in this case, Russian), the latter — when mastering others (European). At the first stage, linguistic features predominate since “Russian” names seem phonetically approximate to the real names, the sound form is brief and easy to pronounce, and there’s a semantic similarity between etymons of the Chinese and Russian names. Communicative factors reveal the influence of the situational context on choosing a secondary name (typically, within the educational discourse) while sociocultural factors reveal the level of awareness about the target culture among foreign students. The fact that these naming patterns tend to reproduce when the person gets to study other foreign

languages, allows the authors to conclude their sustainable nature. Based on the data of a survey among Chinese students of Russian and other foreign languages, the semantic structure of the secondary name is described in terms of signification, denotation, and connotation. On the functional side, the role of secondary self-naming (the choice of a mimeticonym) is key for person's adaptation to a different culture and reducing psychological stress in the process of intercultural communication.

К е у о r d s: secondary self-naming, personal name, mimeticonym, international students, Chinese students, foreign language, Russian as a foreign language, intercultural communication.

Acknowledgements

The research is accomplished with financial support of the *Russian Foundation for Basic Research*, Project No. 19-013-00895 “Learning to Understand Russia: Cognitive Strategies of Development of Teaching Aids in Russian as a Foreign Language.”

- Formanovskaya, N. I. (2013). Obshchenie kak edinstvo rechevoi deiatel'nosti i rechevogo povedeniia [Communication as a Unity of Speech Activity and Speech Behavior]. *Russkii yazyk za rubezhom*, 5, 64–69.
- Golomidova, M. V. (2009). Lichnoe imia kak nositel' sotsial'noi informatsii [Personal Name as a Carrier of Social Information]. *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniia rechevoi deiatel'nosti*, 7, 59–72.
- Grankina, M. A. (2017). Russkie antroponimy kak sposob priobshcheniia k russkoi kul'ture kitaiskikh studentov [Russian Personal Names as a Means of Introducing Chinese Students to Russian Culture]. In Z. K. Bedanokova (Ed.), *Russkii iazyk i onomastika v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve iuga Rossii i Severnogo Kavkaza: problemy i perspektivy* [Russian Language and Onomastics in the Multicultural Educational Environment of the South of Russia and the North Caucasus: Problems and Prospects] (pp. 157–160). Maikop: Magarin O. G.
- Jespersen, O. (1958). *Filosofia grammatiki* [Philosophy of Grammar]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury.
- Kazkenova, A. (2018). Antroponimy za predelami monokul'turnoi sredy [Personal Names Outside the Monocultural Environment]. *Przegląd wschodnioeuropejski*, 9(1), 209–217.
- Kuryłowicz, J. (1962). *Ocherki po lingvistike* [Essays in Linguistics]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury.
- Rukavishnikova, S. M., Dun'kovich, Zh. A., & Iue, Suyan' (2019). Traditsii imianarecheniia v Kitae [Naming Traditions in China]. In V. G. Shadursky (Ed.), *Mezhkul'turnaia kommunikatsiia i professional'no orientirovannoe obuchenie inostrannym iazykam* [Intercultural Communication and Professionally-oriented Teaching of Foreign Languages] (pp. 189–193). Minsk: BGU Publishing Centre.
- Rut, M. E. (2001). Antroponimy: razmyshleniia o semantike [Personal Names: Reflections on Semantics]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 20, 59–64.
- Semenova, D. S., & Vasilyeva, A. A. (2018). Aktual'nye tendentsii v sovremennom kitaiskom imianarechenii [Current Trends in Modern Chinese Naming]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 6(84), 390–394. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.43>
- Suprun, V. I. (2017). Lingvokul'turologicheskie i lingvodidakticheskie aspekty russkoi onomastiki [Linguocultural and Linguodidactic Aspects of Russian Onomastics.]. In V. I. Karasik (Ed.), *Tsennosti v lingvokul'turnom aspekte: iazykovoie soznanie, kommunikatsiia, tekst* [Values in the Linguocultural Aspect: Linguistic Consciousness, Communication, Text] (pp. 164–171). Tianjin: Tianjin University.
- Vasilyeva, N. V. (2017). Kognitivnaia onomastika: vzgliad iz Evropy [Cognitive Onomastics: A Look from Europe. Review of *Cognitive Onomastics: A Reader* ed. by S. Brendler]. *Voprosy onomastiki*, 14(3), 210–221. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.3.031

Received on 13 February 2021